

ИЛЬЯ ХАРЛАМОВ

ОКТЯБРЬ, 1993

*Последняя осень, ни строчки, ни вздоха.
Последние песни осыпались летом.
Прощальным костром догорает эпоха,
И мы наблюдаем за тенью и светом.*
Юрий Шевчук. “Последняя осень”

Много копий сломано вокруг тех далёких уже, полустёршихся из памяти в деталях, но живущих в ощущениях, в тонком поле души событий осени 93-го года. Их главные формальные фигуранты (истинными участниками противостояния были остатки “недобитой” рекламой и обществом потребления русской мыслящей публики, с одной стороны, и почувствовавшая вкус бесплатного “распила” страны политико-экономическая группировка с другой) – Руслан Хасбулатов, Александр Руцкой, Борис Ельцин, Павел Грачёв, прочие известные персонажи – давно отошли на второй план в истории страны. Один из них мирно преподаёт студентам теорию экономики, другой осваивает в бизнесе заработанные на государственной службе капиталы, третий с почестями похоронен на знаменитом Новодевичьем кладбище, четвёртый выращивает на подмосковной даче сочные фрукты и овощи. Как говорится, Бог им судья... Уже достаточно написано книг и статей, снято документальных фильмов, проведено полемических эфиров с попыткой разобраться в том, кто же прав, а кто виноват в той пронзительной октябрьской трагедии.

Недавнее противостояние в эфире радиостанции “Эхо Москвы” бывшего спикера российского парламента Хасбулатова с бывшим же главой президентской администрации Филатовым ненадолго всколыхнуло слушателей программы, в числе которых были и защитники Белого дома. Превознося свою личную роль в тех событиях, Руслан Имранович прав в одном: политические выскочки, волей злого для России рока оказавшиеся на вершинах власти, были ошеломлены, упоительно опьянены внезапно представившейся возможностью поделить одним махом громадные пространства и богатства страны, её заводы, недра, паражоды, недвижимость внутри и за пределами России, леса, поля, земли, ноу-хау, интеллектуальную собственность. И сделать всё это “одним чохом”, убрав мешающие законы, изменив статьи Конституции, вы-

ХАРЛАМОВ Илья Сергеевич родился в 1972 году. После окончания средней школы и службы в рядах Вооружённых сил СССР поступил в 1992 году в Литературный институт имени А. М. Горького. Работал в различных периодических изданиях, занимался самостоятельной творческой деятельностью. В должности главного редактора журнала “Рыболовство России” объехал всю страну — от Камчатки до Калининграда, от Мурманска до Астрахани. В настоящее время занимается информационным обеспечением развития культурных и экономических связей между Россией и Беларусью. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

кинув из обоймы отдельных бескомпромиссных государственных чиновников-государственников. Они не могли поверить такому счастью, таким космическим, неведомым в прежней, “совковой” жизни возможностям. И на их пути встал Верховный Совет России, немножко куций, чуточку балаганный, слегка наивный, но избранный по закону, волей народа России.

... Минула 15-я годовщина событий, жизнь пошла своим чередом, увлекая нас новыми и новыми делами. Мне не хочется в этих воспоминаниях брать на себя роль судии и аналитика конфликта, хотя, разумеется, кое-какие соображения на “заданную тему” здесь будут высказаны. Важнее попытаться восстановить собственные ощущения, субъективное восприятие, значительные, на мой взгляд, детали тех дней.

* * *

Итак, 1993 год, я на втором курсе Литературного института. За плечами служба в армии, работа в нескольких изданиях, два начатых и брошенных романа – один о Горьком, другой, к моему стыду, и не вспомнить о чём, радужная поэтическая дымка в голове, любовь с лёгким оттенком драматизма, шумные вечеринки с друзьями и однокашниками, ощущение свободы как основного “параметра” жизни, увлечённость русской историей и национальной самоидентификацией, книги, книги и книги в любую свободную минуту. Что ещё нужно молодому человеку в 21 год, жителю прославленной в кинематографе Ефремовым и Дорониной Плющихи, любителю путешествовать по самым отдалённым уголкам нашей Родины, глубокой ночью писать дневники и поэтические строфы? Именно так сейчас видится то время. Какая Москва окружала нас в 93-м? Яркая, меняющаяся, контрастная. По Арбату ходят кришнаиты с бубнами, в белых туниках, с выбритыми затылками и раскрашенными лицами, они испуганно поют свои нехитрые мантры, предлагают прохожим приобщиться к их “великой духовной практике”. В Москву толпами валят американские миссионеры, чаще всего оказывающиеся лидерами тоталитарных сект или талантливыми аферистами. Телевидение и радио за вознаграждение готово предоставить эфир любому проходимцу – никакого контроля нет. Каждый понимает свободу по-своему, многие – как возможность извлекать из всего деньги без оглядки на мораль и нравственность.

Появляются либеральные общественные объединения, фонды, институты, партии и движения, смысл которых трудно понять. В недрах национально ориентированных социальных и общественных групп образуются казацки войска, “корниловцы”, “колчаковцы”, монархические братства, Союз хоругвеносцев, Русское национальное единство Баркашова, ультранационалистические молодёжные группировки, ориентированные на идеи и эстетику западных философов и политиков, на фоне которых традиционная, ещё в Советском Союзе существовавшая “Память” Дим Димыча Васильева теряет свою уникальность. На Манежной площади, ещё не превращённой в подземный псевдоевропейский универсам, регулярно проходят массовые патриотические митинги, на которых выступают герои “красно-коричневого” движения – Виктор Ампилов, Геннадий Зюганов, Виктор Алкснис, Александр Проханов, Сергей Бабурин иже с ними. Самый популярный лозунг народных собраний: “Банду Ельцина под суд!”

Рядом с музеем Ленина идёт чуть ли не круглосуточная торговля оппозиционными изданиями, аудиозаписями маршей императорской России, песнями сталинской эпохи, музыкой периода германского Третьего рейха, всевозможной символикой от пионерских галстуков и значков до советских флагов и портретов Ленина, выуженных из каких-нибудь бывших провинциальных горкомов. Это место – не только территория торговли “на патриотическую тему”, но и дискуссионная трибуна. Ближе к вечеру здесь кучкуются мужички за сорок, небогато одетые, зачастую неряшливые, прирождённые спорщики и трибуны. Объединяет их одно – чёткое знание ответа на вопрос “Кто виноват?” И пути выхода России из-под ига тёмных сил. Эти люди неглупы, хотя и инфантильны, и они, конечно, очень умилительны в своём святом детском фанатизме. Бывают здесь и свои “звёзды”, послушать которых останавливаются спешащие мимо и находящиеся явно вне политики прохожие. Их привлекает эмоциональный накал действия, его театрализованность, особенно если схо-

дятся сразу две-три такие звезды в принципиальном споре. К примеру, кого винить во всех бедах России – Петра I, последнего императора Николая II, Ленина, Троцкого, Сталина, Горбачёва – или Ельцина, Гайдара, Чубайса.

Здесь торгует легендарная в местных кругах “бабка” Петровна. Перед ней разложены ящики с книгами, газетами и журналами, аудиокассетами, атрибутикой советского периода российской истории. Ей палец в рот не клади, она знает ответы на все вопросы и сразу вычисляет врагов России.

Время от времени около музея встречаются молодые националисты, обсуждают текущие дела, планируют новые акции. В эти же годы у здания “Московских новостей” на Пушкинской, рядом со стендами газеты, собирается либеральная интеллигенция. Бородатые, кудрявые, вооружённые очками всех калибров доктора наук, творческие работники и Бог ещё весть кто оживлённо обсуждают опасность наступления “русского фашизма”, коммунистического реванша, вырабатывают меры противодействия этим страшным угрозам вплоть до коллективного обращения в ООН всей прогрессивной части российского общества. В основном она, эта часть, состоит из защитников “демократии” образца 1991 года. Среди завсегдатаев этих собраний много шумных женщин бальзаковского возраста, про которых говорят “нафталиновые дамы”. По виду они – поэтессы, журналистки со стажем или музейные работники.

Улицы города начинают активно переодеваться в автомобили иностранного производства – бэушных “американцев” и “немцев”. В моду входят огромные джипы “Шевроле Субурбан”, в них ездят наиболее крутые бандиты, но на всех таких машин не хватает. Среди моих знакомых тоже появляются типичные представители эпохи, замечательно проиллюстрированной фильмом Алексея Балабанова “Жмурки”. Переносные мобильные телефоны в руках (не трубки, а именно аппараты), толстые золотые цепи и браслеты, перевязанные резинками пачки долларов в карманах, одежда от лучших кутюрье Европы, дорогие рестораны, поездки в Таиланд и Испанию, в общем, непродолжительная, но яркая жизнь. Ну и, конечно, крышевание мелкого и среднего бизнеса, разборки, стрельба, ранняя насильственная смерть.

Все проспекты, площади, переулки и закоулки Москвы усеяны коммерческими палатками – ларьками, как их любовно называет народ. Ассортимент их стандартен: палёная водка, печенье, жвачки на любой вкус и обилие таких же непонятных по месту изготовления сигарет самых знаменитых мировых брендов. Из-под полы в таких торговых точках можно купить лёгкие наркотики, полузапрещённое (или полуразрешённое) в то время газовое оружие. В моду входят шаурма и куры-гриль. Со временем, после серии дерзких грабежей, хозяйева окольцовывают стеклянные витрины павильончиков железными решётками, и они превращаются в некие укрепсооружения с торговой функцией. В Москве начинают открываться бутики самых известных мировых дизайнеров, элитные рестораны, казино и стриптиз-бары. От клиентов в них нет отбоя. Здесь и чиновники, и начинающие бизнесмены, и криминальный народ всех мастей. Параллельно с элитными заведениями буйным цветом разрастается изнанка мегаполиса, сервис для бедных. Практически все стадионы города, многие НИИ, некогда пышущие жаром и жизнью заводы отдают свои земли под огромные грязные рынки, на которых продаётся чудовищный подпольный товар. Обнищавшее в ходе реформ население столицы вынуждено посещать эти клоаки, покупать зачастую опасные для здоровья, но дешёвые товары – одежду, продовольствие, игрушки, какую-то мебель, предметы первой необходимости.

В те годы Москву активно осваивают бандитские группировки из Казани, Набережных Челнов, других городов, смешая традиционных для столицы люберецких, подольских и солнцевских “братков”. Целая армия крепких, спортивных молодчиков с характерными взглядами исподлобья и твёрдым намерением взять от жизни всё и сразу не гнушаются в средствах достижения своих целей. Они жестоко наказывают “отказников” от их услуг, пытаются пролезть во власть, участвуют в бутафорских выборах, со временем легализуют созданный на крови бизнес. Все эти предтечи нынешнего гламура существуют на фоне упаднических настроений большинства жителей города, работа которых связана с наукой, культурой, образованием, промышленным производством. Все они чувствуют свою отверженность новыми временами и новыми нравами государственной элиты, определяющей облик и приоритеты “демократической” России. Именно в такую Москву приходит сентябрь 1993 года.

* * *

Указ Б. Н. Ельцина № 1400 о роспуске Верховного Совета России от 21 сентября 1993 года Москва встретила сухой, по-осеннему прозрачной и тёплой погодой, а её жители – те, которые не перестали интересоваться политикой, – тягостными ожиданиями самого плохого исхода этой слишком далеко зашедшей игры. Так случилось, что последние сентябрьские дни я был занят разъездами по различным подмосковным городам и довольно срочной, трудоёмкой работой. Приходилось отслеживать развитие событий с помощью средств массовой информации, друзей, родных и знакомых. Лишь несколько раз я оказывался вблизи Дома Советов, но проникнуть внутрь оцепления у меня не получилось, даже несмотря на мой решительный настрой: там находились многие близкие товарищи, друзья и коллеги. Однажды пришлось участвовать в попытке прорыва оцепления со стороны метро “Баррикадная”, но силы оказались неравны. Еринский ОМОН, вооружённый дубинками, чёрными шлемами и щитами, тогда здорово помял демонстрантов, две трети из которых составляли пожилые люди, волей судьбы оказавшиеся выкинутыми с корабля современной рыночной экономики. Чувство тревоги, надвигающейся катастрофы не покидало меня все эти драматические две недели. Лишённый кровеносной системы – воды, электричества, связи – дом на Краснопресненской набережной, некогда спроектированный замечательным русским архитектором Чечулиным, напоминал огромный корабль, Ноев ковчег, на котором пытались спастись остатки советской эпохи, трансформировавшейся в отряды национально мыслящей молодёжи, пожилых коммунистов, православных священников и мирян, художников, писателей, военных, обыкновенных рабочих и служащих, велением сердца собравшихся вокруг этого сакрального места. Сколько судеб, человеческих историй, надежд, отчаяния и готовности к борьбе в те дни сплелись воедино внутри окольцованного спиралью Бруно и милицейскими кордонами пятачка в центре Москвы!

* * *

3 октября, день, который положил “начало конца”, встретил меня в Москве, я вернулся из какой-то поездки, сейчас уже и не припомню, из какой именно. Город бушевал, события разворачивались стремительно. Уже произошло крупнейшее столкновение сторонников Верховного Совета с милицескими подразделениями в районе метро “Октябрьская”. Демонстранты, вооружённые палками, камнями, всем, что попадалось под руку в городских условиях, прорвали мощный кордон милиции на Крымском мосту. Наступил переломный момент, силы ведомства Ерина дрогнули и пустились в бегство. Они бросали на ходу всё – алюминиевые щиты, тяжёлые “броники” и дубинки, грузовики и легковые машины с милицеской символикой. Окрылённые первой победой, демонстранты тут же, на бегу, вооружались этими спецсредствами и гнали насмерть перепуганных, струсивших милиционеров всё дальше и дальше, к Смоленской площади. Здесь свидетелем событий стал и я. Вся площадь была усеяна горящими заграждениями из автомобильных покрышек, обломками каких-то ящиков, бордюрными камнями, фрагментами железных конструкций от возведённой в начале Арбата временной сцены. Видимо, именно в этот момент милиция получила последние указания “сдать” город повстанцам и ретироваться за его пределы на остатках служебной техники. По некоторым сведениям, здесь появилась первая жертва, забитый милицескими дубинками пенсионер. Так говорили наиболее активные участники столкновения на Смоленской площади.

Милиция исчезла внезапно, как будто растворилась в тёплом и солнечном московском вечере... А со стороны Крымского вала бесконечным потоком шли новые люди в сторону Верховного Совета. Они не участвовали в боях с правоохранительными органами и потому выражения их лиц были не воинственными. Люди улыбались, радовались, глаза их светились, они поздравляли друг друга. Многие скандировали или кричали поодиночке: “Победа!”, “Мы победили!”, “Да здравствует Россия!”. Рядом со мной шёл крепко сбитый, светловолосый мужчина лет сорока. Он обратился ко мне со словами: “Мы победили, слава России! Ведь можем, если захотим?!” Я ответил ему

примерно в таком же мажорном тоне. Завязалась беседа, прерываемая восторженными криками толпы, мы познакомились, его звали Виктор. Он, как и я, в одиночку прибыл к месту событий, заранее отправив жену и двоих детей на дачу. Вплоть до утра 4 октября мы с Виктором вместе – случается такая внезапная дружба, спаянная участием в чём-то важном и судьбоносном, – побывали во всех основных местах разворачивавшейся драмы. Наверное, именно там, на Смоленской-Сенной, на Новом Арбате, на подходах к белому величественному зданию Дома Советов, многие испытали чувство какого-то великого свершения, освобождения от чего-то опостылевшего и гнетущего, сопричастности к единственно правильному и общему делу, непродолжительное чувство ликования и восторга.

* * *

Вокруг Белого дома уже было снято оцепление, десятки тысяч митингующих окружили балкон во внутреннем дворе здания, на котором собирались лидеры оппозиции. Там же стояли рядами поливальные машины, зелёные ЗИЛы внутренних войск, словно специально брошенные вместе с ключами в эпицентре событий. Молодые парни залезали в кабины, запускали двигатели, обсуждали дальнейшее использование техники. На балконе появились Хасбулатов, Руцкой, генерал Макашов, другие ключевые фигуры защиты первого российского парламента. Зазвучали поздравления с победой демократии, со свержением “антинародного режима Ельцина”, слова о необходимости восстановить конституционный строй и призвать к ответу виновников всех бед России последних лет. Мне очень хорошо запомнился один из охранников Макашова, стоявший рядом с генералом в момент этого стихийного митинга. Молодой человек лет 25, с ясными голубыми глазами, смотрящими куда-то вдаль, в сторону своих идеальных представлений о Родине, о том, какой она должна быть. Он был одет в зелёный бронежилет, держал автомат Калашникова наперевес, дулом – немного наискосок – вверх, прикрывал своего шефа. В нём было что-то героическое, даже былинное, – русский богатырь, облачённый в современные спецсредства для ведения ближнего боя. В течение нескольких последних лет я его неоднократно видел на фотографиях в публикациях, посвящённых тем событиям, и каждый раз обращал внимание на мужественную, строгую красоту этого русского человека, какую-то трагическую печать в его взгляде. . .

В какой-то момент защитники Белого дома услышали призыв Александра Руцкого к штурму Мэрии – дома-книжки бывшего СЭВ, расположенного в непосредственной близости, необходимости “взять” Кремль, Останкино, ключевые объекты города под контроль “законной, всенародно избранной власти”. В толпе ходили слухи, что в Мэрии засел спецназ, подчинённый МВД, и оттуда в любой момент можно ожидать вооружённого прорыва. Оперативно стали формироваться колонны для похода в Останкино, взятия под контроль ненавистного большинству жителей России телевидения и предоставления эфира лидерам сопротивления. Виктор предложил мне незамедлительно отправиться именно туда на его машине, находящейся невдалеке (он жил около метро “Улица 1905 года”). Я согласился, и мы, прорываясь сквозь тесные ряды защитников Дома Советов, отправились к его дому. Уже потом я узнал, что через полчаса вокруг и внутри Мэрии зазвучали первые выстрелы, пролилась первая кровь – был проведён её стихийный штурм немногочисленными силами вооружённых защитников Дома Советов.

* * *

Мы двигались на светло-зелёной “копейке” Виктора по странной Москве, погружающейся в тяжёлые, свинцовые сумерки. В хвосте колонны макашовцев мы оказались в районе “Маяковской”. Они двигались на новеньких ЗИЛах, коммунальных грузовиках, легковушках, автобусах, выстроившихся в огромную вереницу. Из раскрытых окон всей этой разношерстной автотехники доносились призывы к решительным действиям, торчали державные российские стяги, флаги патриотических организаций, союзов и объединений, крас-

ные флаги КПРФ, лозунги и плакаты с осуждением исполнительной власти, президента, их коллективных действий. Колонна растянулась на несколько километров, мы её обгоняли на стареньком “жигулёнке”, а по тротуарам Садового кольца, затем Проспекта мира, улицы Королёва шли городские жители; шли по своим делам, с котомками и портфелями, детскими колясками и бутылками пива в руках. Некоторые из них приветствовали процессию, но большинство лишь одаривало её удивлёнными взглядами – то были люди из другого города или с другой планеты, только что узнавшие о происходящих в столице событиях. Всеобщее равнодушие и желание быть “в стороне” преобладало над необходимостью размышлять, пытаться разобраться в проблеме, вышедшей из мирного русла, занять ту или иную, но конкретную позицию.

Когда мы прибыли к комплексу главного телецентра страны, “информационной иглы”, как её тогда часто называли в народе, было уже темно. Люди прибывали стремительно, и вскоре почти вся улица, разделяющая две брженевские “коробки” телецентра, была полна народа. Прошёл генерал Макашов с полутора десятками вооружённых автоматами и одетых в камуфляжную военную форму помощников. Больше вооружённых людей со стороны защитников Дома Советов в Останкино я так и не увидел. Активная молодёжь и не менее активные люди пожилого возраста разламывали переносные железные ограждения, стоящие везде в огромном количестве, на лёгкие, короткие прутья. Все ждали нового “рукопашного боя” и ещё не догадывались, что через полчаса здесь будут свистеть пули, а на подмогу милиционерскому спецотряду “Витязь”, засевшему в главном здании ТВ, подойдут БТРы.

Когда народу собралось достаточно много, а выступления лидеров оппозиции и скандирование лозунгов переросло из количества в качество, было принято решение Останкино брать штурмом. Цель – предоставление эфира главным действующим лицам обороны Верховного Совета России для разъяснения жителям страны истинных причин трагического кризиса. Для этого к центральному входу телецентра, представляющему собой стеклянные двери и огромные окна из прочных металлоконструкций и стекла, был подогнан армейский грузовик. Кто-то заметил перебегающих внутри здания с позиции на позицию бойцов спецназа. Они были вооружены и хорошо экипированы, одеты в защитную форму сине-голубого цвета и современные шлемы. Этот факт не остался без внимания демонстрантов и передовой группы штурмующих. Мощный автомобиль взревел мотором, включил фары и стал буквально “въезжать” в стеклянные двери, расчищая проход для людей, желавших войти в святая святых телевизионного королевства кривых зеркал. Вокруг грузовика сосредоточилась большая группа безоружных людей, а внутрь пытались прорваться вооружённые Калашниковыми помощники генерала Макашова. В этот момент я заметил известного режиссёра и общественного деятеля Леонида Фёдоровича Монастырского, который стоял совсем рядом. Я окликнул его, мы обменялись приветствиями и короткими фразами. Потом он смешался с толпой, и я его потерял из вида. Я оказался около белого старенького автобуса ЛИАЗ, который стоял чуть поодаль (его можно увидеть на видеохронике того драматического вечера). И тут...

* * *

Я много раз слышал, что массированный огонь был открыт после выстрела из гранатомёта одного из штурмующих. Этот эпизод даже засняли на плёнку. Не берусь судить, так ли это было на самом деле, помню лишь свои ощущения. Стрельба началась внезапно и очень интенсивно. Звук взрыва от гранаты слился с треском десятков спецназовских “калашей”. Трассирующие пули, как огненный град, полетели вниз, в толпу, со всех этажей здания и из другого останкинского корпуса, расположенного напротив. Сотни безоружных людей оказались под перекрёстным огнём, упали на асфальт, прикрывали головы руками, пытались бежать врассыпную, скашиваемые массированным огнём. Пули врезались в асфальт и рикошетом уходили в небо, чертя в воздухе жёлтые стремительные линии. Я увидел обезумевшего человека на стареньком велосипеде “Кама”, который вилял по улице, уворачиваясь от пуль и даже не думал найти себе укрытие. Казалось, что ему доставляет удовольствие такая “весёлая” игра со смертью. Мы с Виктором растерялись (мобиль-

ников в те времена не было), я оказался среди немногочисленной группы людей, прятавшихся на корточках от пуль за упомянутым небольшим автобусом. Нас там было человек двадцать. Одна из женщин попросила закурить, ей дали папиросу, она зажгла её и, видимо, в состоянии нервного срыва, внезапно встала в полный рост, что-то закричала, запела, потом начала рыдать, пыталась вырваться и куда-то бежать. Её тут же одёрнули, посадили на корточки, стали успокаивать, гладить по голове...

Беспорядочная пальба не ослабевала. Через несколько минут сидящий рядом пожилой мужчина вскрикнул, схватился за ногу и начал валиться набок. Мы увидели, как одна из штанин его брюк побагровела, а нога буквально на глазах стала распухать. “Пулями со смещённым центром тяжести бьют, гады”, – прокомментировал кто-то. Поодаль, метрах в ста от нас в “спокойной” зоне – пули туда не долетали – стоял чёрный джип. Мужчина, наверное, его хозяин, стал махать нам руками, кричать, чтобы мы тащили раненого к нему. Я и ещё трое человек, не раздумывая, взяли раненого за руки и за ноги и потащили под пулями к спасительному автомобилю. Он был тяжёлый, грузного телосложения, нести было неудобно, да ещё я, как назло, был одет в светлые куртку и штаны и представлял собой прекрасную мишень для спецназовцев, засевших в телецентре. За те три-четыре минуты, пока мы короткими перебежками доставляли раненого к машине, в голове прокрутились многие невесёлые мысли. Однако обошлось, и мы погрузили выбывшего из строя товарища в джип. Хозяин тут же запустил двигатель, и внедорожник, взревев стосильным мотором, умчался куда-то в ночь, в сторону ВДНХ. Тут я увидел Виктора, он приближался ко мне, крича: “Нужен коктейль Молотова!”

Мы вскочили в его машину и поехали вслед за джипом. “Сейчас мы должны найти пустые бутылки, много пустых бутылок”, – говорил мне возбуждённо Виктор. Очевидно, что собирать их по улице было бесперспективным занятием, и мы приняли решение войти в первый же дом (им оказалась сталинская кирпичная девятиэтажка) и позвонить в первую же квартиру. Так и сделали. Дверь нам открыла пожилая женщина, даже не спросив традиционное “Кто там?” А ведь вокруг была стрельба, неразбериха, паника. Выяснилось, что она сама собиралась пойти к телецентру, но боль в ногах помешала этому. Выслушав нашу просьбу, она провела нас на балкон, и мы там набрали целый мешок пустых стеклянных бутылок, видимо, истребив многолетний запас рядового московского пенсионера на “чёрный день”. Мы разговорились с ней, хотя разговором это было назвать сложно – отрывочные реплики, комментарии, фразы. Она была всецело на стороне защитников Верховного Совета, сокрушалась о том, что милиция посмела стрелять в безоружных москвичей. У самой двери благословила нас, осенив трёхкратным крестным знаменем и произнеся: “С вами Бог, мальчики”.

Загрузив машину, мы поехали обратно. Виктор нашёл каких-то своих знакомых из числа радикалов и отдал им “заветный” мешок. Они быстро растворились в темноте Останкинского парка. Тем временем картина у телецентра поменялась. Основная масса людей была рассеяна по близлежащей территории (Новомосковская и Аргуновская улицы, парковая зона), стрельба не ослабевала, а со стороны Ботанической улицы, рыча дизелями, на помощь “Витязю” шли БТРы. Сизый дым взвивался над ними под светом вечерних московских фонарей. Стало понятно, что сражение у телецентра проиграно, и мы решили вернуться к Дому Советов. Потом я узнаю, что бронетранспортёры тоже открывают огонь из крупнокалиберных пулемётов по людям. Они будут носиться взад-вперёд по улице Королёва и стрелять по всему, что движется, по демонстрантам, которые прячутся за деревьями и тротуарными камнями, лежат на земле, бегут прочь. Один из них подожгут, и эта обезумевшая стальная машина, похожая на пылающего монстра, будет посылать в ночь огненные иглы пулемётных очередей, пока не кончатся патроны в его чреве.

* * *

На огромной скорости мы помчались на Красную Пресню. Машин на улицах было мало, людей ещё меньше. Народ сидел по домам, от греха подальше. Включив радио “Эхо Москвы”, мы услышали проклятия в адрес всего патриотического лагеря, сыпавшиеся из уст самых радикальных либералов:

Черниченко, Ахеджаковой, Венедиктова. Звучал призыв “раздавить гадину”, слова о необходимости “всем людям доброй воли защитить молодую российскую демократию”. Выступавшие истово звали “свободолюбивых москвичей” немедленно выдвигаться к зданию правительства Москвы на Тверскую улицу для формирования отрядов самообороны. Мы решили заехать и туда, посмотреть на военно-демократические полки “имени Егора Гайдара”, оценить их возможности. Тверская, по своему обыкновению, была залита огнями неоновой рекламы ресторанов, казино, стрип-баров, бутиков, ювелирных салонов. На этом фоне странными казались марширующие отряды демократов, которыми командовали молодые, хорошо одетые парни с крепкими кулаками. Они явно готовились к столкновениям и уличным боям и формировали “боевые порядки”. Понаблюдав немного за подготовкой ельцинских сторонников, мы отправились к Белому дому. Заехав по пути домой, я взял немного денег для покупки продуктов и спиртного, которое было просто необходимо в небольшом количестве для снятия стресса. Дома никого не было и я, на всякий случай, оставил записку, в которой попросил родителей не беспокоиться и сказал, что уехал “защищать Россию”. Не смогу точно воспроизвести её текст, но она была, что называется, “героического порядка”...

Вокруг здания на Краснопресненской набережной былолюдно. Кое-где были поставлены импровизированные КПП, на которых проверяли присоединяющихся к обороне. Боялись “вражеских лазутчиков”, пытались их вычислить в разношёрстной публике. Вокруг костров сидели защитники Белого дома, молодые неформалы, представители национальных движений, коммунисты: обсуждали события в Останкино. Офицеры, которых здесь было довольно много, как отставных, так и действующих, готовились к серьёзному противостоянию. Все понимали, что маски сброшены, кровь пролилась, и исход очень близок. Молодой майор, я хорошо запомнил его открытое, волевое лицо, держа в руках пистолет Макарова, энергично перемещался от одной группы защитников к другой, объяснял, как себя нужно вести в случае штурма территории. Чувствовалась и возбуждённость, и одновременно подавленность людей. Некоторые из них были намерены стоять до конца, хотя уже было понятно, что ни армия, ни другие силовые подразделения страны и Москвы не встали на сторону Верховного Совета. Мы с Виктором и некоторыми моими знакомыми, встреченными здесь, пили коньяк, обсуждали дальнейшие действия, строили прогнозы. Вдруг меня кто-то несильно потянул за рукав. Я обернулся и увидел довольно нетрезвого молодого человека в чёрной кожаной куртке, модных туфлях и зауженных тёмных брюках. Из-под ворота голубой рубахи виднелась внушительная золотая цепь. Выглядел он презентабельно, а запах дорогого парфюма дополнял впечатление от его характерного новорусского облика. Отведя меня в сторону, он спросил: “Братан, слушай, а чё здесь вообще происходит?” Удивлённый таким вопросом, я вкратце объяснил ситуацию. Изумлению его не было предела, как будто он свалился с Луны. Но всё было прозаичнее. “А я два дня тут поблизости в казино играл, не вылазил и пил постоянно, за всё время часа три поспал в комнате отдыха. Просадил 12 штук баксов. Выхожу, а здесь такое!!!”, – объяснил мне он свою тяжёлую долю и пошёл восвояси. Посмотрев ему вслед, я почему-то подумал, что в России никогда не будет национального согласия, о котором в последние дни без усталости говорили все, кому не лень.

Около двух часов ночи, изнурённые уже закончившимся, таким тяжёлым, полным опасностей и эмоционального накала днём, мы решили ненадолго разойтись по домам, для того чтобы просто поспать и собраться утром 4 октября здесь же заново... Сон был тяжёлым, я как будто провалился в тёмную ватную бездну.

* * *

Проснулся утром под канонаду танковых орудий. Их глухие выстрелы были прекрасно слышны на Плющихе, расположенной в километре от Белого дома. Тут же включив телевизор, я увидел знаменитую своей циничностью трансляцию американского телеканала CNN расстрела здания Верховного Совета. Танки стояли на мосту и прямой наводкой, изрыгая клубы порохового дыма, били по окнам напротив. Толпа восторгом и аплодисментами встреча-

ла каждый залп. Наскоро одевшись, я бросился в сторону Нового Арбата. Вся территория вокруг Белого дома в радиусе 500 метров была окружена кордонами всех видов милиции и внутренних войск. Здесь были и матёрые ОМОНовцы из регионов России (которые потом вдоволь помародёрствовали на московских улицах), и юнцы из ВВ, и бойцы непонятных, каких-то тайных ведомств в чёрной униформе, дизайн которой как будто был позаимствован из американских фантастических блокбастеров. Мне удалось пробиться на Новый Арбат, к знаменитой высотке с глобусом, — бывшей советской рекламе “Аэрофлота”. “Зачистка” пространства вокруг Белого дома вступала в завершающую стадию. Стрельба велась беспорядочно и очень интенсивно. По Новому Арбату бегом передвигались группы спецназовцев и военных в разных направлениях. Одна из таких групп вошла в высотку, около которой я находился. Буквально через несколько минут очередь обрушила штукатурку в районе 15-го этажа этого здания, прямо над моей головой. Откуда и по кому вёлся огонь, понять было невозможно. Мимо взвэшники пронесли на носилках молодую девушку, она была ранена в ногу, в глазах её стояли слёзы, но она переносила боль молча. Переход под улицей был забит людьми до отказа. Остаться здесь было небезопасно, а получить шальную пулю, тем более после Останкино, совсем не хотелось. Было ясно, что всё кончено. Не помню, как провёл остаток дня, лишь вечером, встретившись со своим однокашником Максимом Шмырёвым, мы стали пить “горькую” со слезами на глазах, делиться впечатлениями, если слово “впечатления” уместно в этом контексте...

* * *

Россия в октябре 1993 года попрощалась с целой эпохой. Прагматизм и Деньги в самом широком смысле пришли на смену надеждам огромного количества людей на возрождение социального, национально ориентированного государства, государства для граждан. Общество было не готово к единству, и страна в очередной раз умылась кровавыми слезами. Начались новые времена, американская модель поведения, потребительское отношение к своей родине — “возьми всё и сейчас” — пропагандировались с самых высоких трибун, с самых голубых экранов. Но жизнь продолжалась, и нужно было работать, делать своё дело, хранить в душе вечные ценности, любить.

С Виктором после октябрьских событий мы виделись ещё несколько раз. Но потом он сменил место жительства, и мы навсегда потерялись в этом огромном городе...